

XLVIII Чтения гуманитарного семинара, посвященные памяти архиепископа Иоанна (Поммера)

С участием доктора филологических наук Ю. Л. Сидякова,
доктора истории Александра Гаврилина, доктора философии
Светланы Ковальчук, историка Бориса Равдина,
библиофила Анатолия Ракитянского,
преподавателя истории школы им. Оствальда Сергея Мазура

12 октября 2009 г.

Сергей Мазур: Уважаемые коллеги, я благодарен, что вы нашли время для участия в XLVIII Чтениях, посвященных памяти священномученика архиепископа Иоанна (Поммера) (1876–1934). Я хотел бы напомнить, что сегодня 12 октября 2009 года. 75 лет назад произошло событие, которое всколыхнуло всю Латвию. В ночь с 11 на 12 октября 1934 года святитель Иоанн был убит на своей даче. Убийцы подвергли архиепископа пыткам, смертельно ранили выстрелом в упор, а затем сожгли дом, поэтому тело святителя сильно обгорело.

К нашему мероприятию, приуроченному к этой печальной дате, доктор филологии, профессор Латвийского Университета Юрий Львович Сидяков подготовил для издания в XX номере Альманах ряд писем, адресованных архиепископу Иоанну (Поммеру).

По словам Юрия Львовича, архив архиепископа Иоанна Поммера — это панорама русской жизни 20–30-х годов XX века. В первом томе, изданном в прошлом году в XIV номере Альманаха, Юрий Львович поместил материалы, связанные с пензенским служением архиепископа и периодом его возвращения в Латвию.

Во втором томе Юрием Львовичем Сидяковым осуществлена принципиально иная подборка документов — это в основном письма из эмиграции. Перелистывая второй том, мы ощущаем иную тональность. Для меня в этом томе наиболее важной оказались письма архиепископу Иоанну (Поммеру), присланные из Франции. Почему? Потому что в письмах рефреном проходит главная тема того времени — тема напряженных отношений в русской эмиграции, конфликта в Русской Православной Церкви. Мне представляется, что это была переписка в основном церковного характера... Юрий Львович, вы согласны с такой оценкой или все-таки на Ваш взгляд, тематика писем Иоанну (Поммеру) выходит за рамки церковных отношений?

Юрий Сидяков: Она выходит за рамки только лишь церковной переписки. Хотя прежде всего это письма церковных иерархов, но даже в этих письмах речь идет не только о сугубо церковных вопросах, но и об окружающей жизни. Однако все же в первую очередь публикуемые материалы имеют значение для изучения истории Церкви.

Сергей Мазур: Когда я начал знакомиться с письма-

ми пензенского периода, первое возникшее ощущение — драматизм, вызванный известными историческими обстоятельствами. Некоторые письма буквально равнозначны крику о помощи. Вот конкретный пример. Решается вопрос о переезде архиепископа в Ригу, а в письмах пензенских прихожан чуть ли не обвинение Иоанна (Поммера) в том, что он бросает паству в столь сложной, драматической ситуации. Этот крик о помощи слышен не только в Пензе, но по всей России. Вот, к примеру, документ из архива о. Яниса (Калныньша). В одном из писем, направленный Иоанну (Поммеру) Самарским Епархиальным Комитетом от 23 сентября 1921 года и подписанной епископом Павлом, в то время управляющий Самарской епархией, содержится просьба о помощи голодающим:

«Ваше Преосвященство, милостивый архипастырь. По неисповедимым путям Промысла Божия Заволжский Край, а в особенности Самарская губерния поражены величайшим бедствием. Необычайной засухой уничтожен на корню весь хлеб. Трава сожжена. Вместо хлеба народ ест желуди, траву, листья деревьев, разные суррогаты и глину. Скот в деревнях уничтожается или распродается за бесценок. Скудные пожитки и строения распродаются в расчете этим своим убогим богатством отдалить, насколько возможно голодную смерть. Поддавшись панике, из многих сел крестьяне бегут, куда глаза глядят, а оставшиеся в деревнях льют слезы. Смертные стоны оглашают наш край. Сотни, тысячи жертв подкашиваются теперь от всяких болезней, одолевших ослабевшие от недоедания организмы. Много жертв уже поглотил этот ужасный бич — голод. Еще в августе, по приблизительному подсчету, число голодающих равнялось 588900 человек, а в сентябре месяце это число увеличилось до 1200000 человек. В ноябре-декабре все сельское население губернии в числе два с половиной миллиона, а также значительная часть городского населения будет находится в состоянии голода. Размеры голода велики, последствия его ужасны. Нет сил изобразить картину уже начавшейся голодовки, отчаянного уныния, в которое теперь повергнуто большинство населения нашего края. Правительство, частные лица и учреждения принимают всевозможные меры к смягчению ужасов голода, но впереди всех должна находиться наша Православная Церковь, почему Епископом Самарским организован в Самаре Епархиальный комитет помощи голодающим Самар-

ской губернии, в особенности Самарскому православному духовенству, которое голодает и страдает вместе с народом, в некоторых отношениях находится еще в худшем положении сравнительно с последними. Епархиальный Комитет прежде всего обратился к православному населению Самарской губернии с горячим призывом к оказанию помощи и поддержке. Но что может голодный сделать для голодного? Настоящим комитет обращается к Вашему Преосвященству и ко всей Вашей пастве, как находящимся в более лучших условиях в смысле питания, со слезной просьбой о помощи. В надежде на помощь Божию и на отзывчивость добрых людей мы будем безропотно нести то тяжелое испытание, которое ниспослано нам Провидением. Мы твердо верим, что Церковь Православная в настоящий страшный момент, когда страдания человеческия безмерно умножаются, когда горе людское необыкновенно обостряется, теперь-то и проявит свою жизненность и силу и наше обращение не останется безответным со стороны верующих. Пожертвования деньгами, хлебом и вещами надлежит направлять на имя Самарского Епархиального Комитета голодающим по адресу: город Самара, Иверский Женский Монастырь, квартира Епископа Павла».

В письмах пензенского периода архиепископ Иоанн дает характеристику большевистской власти, ответственной, с его точки зрения, за несчастья России. Это одна из центральных мировоззренческих позиций святителя, поскольку эту оценку советской власти архиепископ Иоанн, начиная с 1917 года, пронес через всю свою жизнь..

Парадокс заключается в том, что с одной стороны мы наблюдаем глубокое неприятие советской власти и того, что делали большевики, с другой стороны, когда за пределами России, а потом Советского Союза шла бурная дискуссия: кому подчиняться, под чью церковную власть встать, архиепископ Иоанн до конца оставался верен Московской Патриархии. В чем дело? Объясните, пожалуйста. Почему при таком неприятии архиепископом большевистской власти Латвийской Православной Церкви не перейти бы под омофор Константинопольского Патриархата?

Светлана Ковальчук: Нельзя проводить знак равенства между Русской Православной Церковью и советской властью. Православная Церковь присягнула на верность большевикам? Нет. И поэтому, мне кажется, возможный ответ можем получить, когда прикасаемся к письмам, дневникам, архивам тех, кто по воле судьбы оказался здесь, в изгнании, вдали от исторической родины. Многие не верили, что русская смута установится надолго, на десятилетия и лелеяли надежду на то, что игры большевиков прекратятся в ближайшие годы.

Сергей Мазур: Я не понимаю, почему же тогда Патриарх Тихон пишет странное письмо и отстраняет митрополита Платона (Рождественского) от должности?

Юрий Сидяков: Что касается верности архиепископа Иоанна московской юрисдикции. На самом деле все не так просто. Он был безусловно верен патриарху Тихону. Однако с митрополитом Сергием (Старгородским) у архи-

епископа Иоанна (Поммера) отношения складываются довольно сложные (этот материал будет включен в 3-й том книги). Когда митрополит Сергей послал запрос о каноническом положении Латвийской Православной Церкви, ответ был написан достаточно дипломатично. Архиепископ Иоанн ни слова не сказал о том, что он лично собирается делать в случае, если на него будет оказано давление из Москвы, будет ли он стремиться к выходу из московской юрисдикции. Но намеки при этом были недвусмысленные. Он намекал на то, что может сложиться такая ситуация, что паства не примет идущие из Москвы требования. Его паства — граждане другого государства, поэтому архиепископ не может подписывать декларацию, требующую лояльное отношение к советскому государству (речь в декларации шла не только о лояльности и верности Московской Патриархии, но и о верности советской власти). В связи с этим архиепископ Иоанн отказался подписывать декларацию, требующую лояльного отношения к советскому государству, и недвусмысленно дал понять, что если давление из Москвы последует, то, вероятно, придется принять какие-то ответные шаги. Это прямо не указано в письме. Но если внимательно прочитать это письмо, понятно, о чем идет речь. В результате митрополит Сергей (как бы ни относиться к его декларации, человек он был необычайно умный) просто оставил письмо без последствий. И, таким образом, у архиепископа Иоанна в данном случае не было необходимости что-то делать, какие-то меры предпринимать.

«ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ»
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ
14 Сентября 1927 г.
№ 402
Москва

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Иоанну, Архиепископу Рижскому и Всея Латвии

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ ВЛАДЫКО.

В силу грамоты Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Петра, Митрополита Крутицкого¹ от 6-го декабря 1925 г. я в том же декабре вступил в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Вместе с этими обязанностями я унаследовал и заботы об установлении нормальных отношений нашей Православной Церкви Московского Патриархата к Советской Власти, чтобы тем обеспечить Церкви права легального существования и управления в пределах СССР. В настоящее время заботы эти начинают увенчиваться некоторым успехом. В мае мес<яце> с<его> г<ода> при мне как заместителе Патриаршего Местоблюстителя организовался Временный (впредь до избрания постоянного состава на Поместном Соборе) Патриарший Священный Синод, который, с официального

разрешения подлежащей власти в том же месяце уже легально приступил к своей деятельности по управлению Православной Церковью Московского Патриархата. Так как ближайшей задачей новоорганизованного Синода является упорядочить церковное управление, начиная с центра и кончая епархиями и приходами, чтобы потом приступить к подготовке и созыву Второго Поместного Всероссийского Собора; то извещая о вышеизложенном, долг имею просить Ваше Высокопреосвященство осведомить меня как о положении Православной Церкви в Вашей стране, об организации у Вас церковного управления, так, в частности, и о том, в каких канонических отношениях к Московской Патриархии признаете Вы состоящей возглавляемую Вами часть Церковного Тела.

Испрашивая молитв Ваших с совершенным почтением и братскою о Христе любовью остаюсь Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою Сергей, м<итрополит> Нижегородский

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 43. Л. 19. Машинопись.

Имя адресата по обычаю времени вписано на полях в левой нижней части страницы. Выделенное курсивом — вписано от руки. Под подписью в конце письма находится печать.

¹ Петр (Полянский) — с 1924 митр. Крутицкий и Коломенский. С 12.04.1925 Местоблюститель Патриаршего Престола. 10.12.1925 арестован; 10.10.1937 расстрелян.

ПИСЬМО АРХИЕПИСКОПА ИОАННА МИТРОПОЛИТУ СЕРГИЮ

*Ваше Высокопреосвященство, Милостивый
Архипастырь и Владыка.*

На № 402 от 24 сентября 1927 года честь имею уведомить, что с содержанием Обращения вр<еменного> Патриаршего Синода и я лично, и мои сопастыри и пасомые знакомы по Известиям ВЦК. Лежащее в основе этого обращения стремление обеспечить для Православной Церкви Российской нормированное государственными законами положение, дающее ей возможность в каноническом порядке осуществлять в пределах СССР лежащие на ней высокие и священные задания, нам кажется непререкаемым.

В той части обращения, которая определяет отношение Российской иерархии и ее пасомых к СССР и к преобладающей в СССР власти, дано и определение наших отношений к Церкви Российской. Поскольку обращение требует от иерархов и пасомых Церкви Российской гражданской верности СССР и преобладающей в СССР власти, мы, выбывшие из подданства СССР и связавшие себя скрепленным присягой обязательством верности Лат-

вийской Республике, фактически должны почитаться выбывшими и из состава Церкви Российской, требующей верности СССР. Одновременная верность — верноподданность двум республикам абсолютно немыслима. Государственная граница, отделившая нас от вас в смысле гражданского подданства и по смыслу Вашего Обращения, и по смыслу древних канонов, стала для нас границей церковною. Еще в дни Святейшего Патриарха Тихона республики, образовавшиеся из окраинных областей б<ывшего> государства Российского, стали домогаться оформления самостоятельности тех частей Православной Церкви, которые вошли в границы новообразовавшихся республик по принципу: в самостоятельном государстве и Церковь должна быть самостоятельна. Молодым суверенным республикам церковная зависимость части их граждан от церковной власти, находящейся в гражданском подчинении у Москвы, казалась противоречащей понятию полной суверенности молодых республик и грозящей благоприятными политическими возможностями, хотя оно было таких политического порядка требований, какие ныне имеют место по отношению к иерархам и чадам Российской Православной Церкви в Обращении вр<еменного> Патриаршего Синода. Некоторые республики за оформлением самостоятельности расположенных в их пределах частей Вселенской Православной Церкви обратились к Вселенскому Патриарху. Мы почли канонически более правильным обратиться по сему острому и болезненному вопросу к главе той Церкви, от которой наши православные состояли в канонической зависимости. 6 (19) июля 1921 года с благословения Святейшего Патриарха Тихона в Москве на Троицком Подворье на соединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета было вынесено нарочитое постановление о предоставлении Латвийской Православной Церкви, как Церкви расположенной в пределах самостоятельного государства, предусмотренной в канонах самостоятельности. Мне как главе этой Церкви тогда же был вручен соответствующий документ. По предъявлении мною сего документа сопастырям, представителям клира и мирян, а также преобладающим властям Латвии, данные документа были признаны удовлетворительными и пока не требующими обращения, по примеру наших соседей ко Вселенскому Патриарху. До сего времени поводов для изменения такого нашего взгляда на дело не было и церковная наша жизнь в новом положении и условиях протекала и протекает, хотя в тяжелых внешних условиях, но внутренне нерушимо мирно. Самостоятельность наша зафиксирована в весьма решительной форме в гражданском законе о положении Православной Церкви в Латвийской Республике. По отношению к иерархии и чадам Российской Православной Цер-

кви мы всегда питали и питаем чувства глубочайшей любви и почтения. Внешние не зависящие от Церкви обстоятельства нас внешне разделили, но духовное единение на почве исповедуемого и вами и нами неизменяемого вероучения и нравоучения и соблюдаемых и вами и нами священных канонов мы неизменно храним и будем хранить, решительно отмечая общение с теми церковными <...>² нимаем, с одной стороны, потому что мы не эмигранты, с другой стороны, и потому что некоторые из этого рода затей считаем вредными и для православной эмиграции и для престижа Вселенской Православной Церкви и для Церкви пребывающей в пределах СССР.

Мои и моих пасомых отношения к СССР естественно зависят от того, каковы отношения между СССР и Латвийской Республикой, верными гражданами коей мы состоим.

Испрашивая св<ятых> молитве Ваших, свидетельствую совершенное почтение и братскую о Христе любовь.

Вашего Высокопреосвященства, Милостивого Архипастыря и Владыки

<подпись отсутствует>

1927 года, октября <день отсутствует> дня
г. Рига

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ СЕРГИЮ, МИТРОПОЛИТУ НИЖЕГОРОДСКОМУ, ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮС-ТИТЕЛЯ ЗАМЕСТИТЕЛЮ.

Примечания:

ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 43. Л. 20-21. Машинопись — копия, сделанная под копировальную бумагу.

¹ Явно пропущенное слово дополнено для пояснения смысла.

² Очевидно, в данном месте оказались утраченными две машинописные строки из-за неточно проложенной копировальной бумаги.

Сергей Мазур: Я хотел бы противопоставить мнение отца Яниса (Калныньша) мнению Александра Валентиновича по поводу отказа от «московской» юрисдикции. За архиепископом Иоанном был митрополит Августин (Петерсонс). В книге отца Яниса (Калныньша) я заметил положительную оценку деятельности митрополита Августина, так как он ушел из «московской» юрисдикции, а вы даёте его деятельности отрицательную оценку.

Александр Гаврилин: Архиепископ Иоанн (Помер) действовал строго в соответствии с церковными канонами. По церковным канонам для того, чтобы отойти от Матери-Церкви, в данном случае от Московского Патриархата, Церковь должна была получить от Матери-Церкви отпуск, а этот отпуск мог дать лишь Поместный Собор. Поместный Собор в 20-х годах XX века уже не мог собраться в Советской России. В результате Патриарх Тихон даровал Латвийской Православной Церкви те права, которые были в его компетенции: то есть самостоятельность в отношениях с государством, возможность самостоятельно решать хозяйственные, административные и образовательные вопросы. Вот и все. А архиепископ Иоанн всегда четко следовал церковным канонам. Вообще надо отдать ему должное — в вопросах церковных канонов он всегда был ортодоксом, он прекрасно их знал. Что касается действий соседей, он до конца не признавал каноничность и правомерность действий руководства Эстонской Православной Церкви.

Юрий Сидяков: Я не совсем с вами согласен. У архиепископа Иоанна сложилось такое положение, что де-факто он мог каноны не нарушать. В той неразберихе сам он никуда двигаться не хотел. Есть неопубликованное пока письмо, где он прямо говорит, что «не торопится в греки». Вы помните его переписку с митрополитом Елевферием (Богоявленским)? Елевферий оказывал давление на архиепископа Иоанна, и там вообще много было сложностей. Но Елевферий в данном случае был более прав, когда он писал о тех правах, которые даёт автономия церкви (и упрекал архиепископа Иоанна за то, что тот расширял это понятие). Другой вопрос, что архиепископ Иоанн оказался в такой ситуации, когда вопрос о строгой каноничности и поставить было нельзя, потому что были разрушены фактические отношения с Матерью-Церковью. Он не делал шагов прямо противоканоничных, но он оказался в той ситуации, когда ему удавалось избегать прямого давления несвободного российского церковного управления, а сам от него он никуда не рвался (хотя подчеркивал свою независимость в качестве получившей автономии Церкви). Но если бы сложилась такая ситуация, когда все же надо было принимать какое-то решение — кто знает? Что же касается Эстонской Церкви — да, отношений с митрополитом Александром (Паулусом) у него не было никаких, но он принимал в состав Латвийской Церкви клириков, которых рукополагали в священники в Печорах (что фактически означает признание каноничности эстонской церковной иерархии).

Александр Гаврилин: Юрий Львович, вы только продолжили мою мысль. Архиепископ Иоанн четко следовал канонам, а все то, что он писал о «греках» это, в принципе, было только заигрыванием. Он не менял своего курса, то есть он делал то, что было выгодно Латвийской Православной Церкви. А это заигрывание ни к чему не приводило и ничего не меняло. Что же касается вашего вопроса о митрополите Августине (Петерсонсе), то это слишком сложный вопрос, очень трудно ответить на него кратко и однозначно.

Конечно, митрополит Августин был ставленником правительства Карлиса Ульманиса. По сути, по установке правительства была предпринята попытка слияния государственной власти и церковной. Во время войны митрополит Августин попробовал восстановить Латвийскую Церковь в юрисдикции Константинопольского Патриархата, однако, поддержанный только пятью священниками маленьких латышских приходов, потерпел фиаско. После войны он был просто очень пожилым и очень большим человеком, заслуживающим только жалость. На мой взгляд, не следует идеализировать митрополита Августина, он как был в своих помыслах и поступках только приходским батюшкой, так и остался таковым до конца своих земных дней.

Документ из архива о. Яниса (Калныньша)

Копия

Экзаршему Управлению в Латвии

В субботу 19-го июля 1941 г. мы, нижеподписавшиеся члены Приходского совета Кафедрального Собора в городе Риге, в присутствии членов Домского комитета при Приходском Совете имели в Соборе, на левом клиросе всенощную беседу с Митрополитом Августином, который, вернувшись из провинции в Ригу, сообщил 18-го июля в газете «Тевия», что 20-го июля в воскресенье будет служить в Кафедральном Соборе Литургию, причем не испросил на оное согласие Высокопреосвященнейшего Экзарха и не предупредил Приходской Совет, несмотря даже на то, что Приходским Советом было уже опубликовано о предстоящем в Воскресенье Экзаршем богослужении. Мы обратились к митрополиту Августину от лица Приходского Совета с просьбой впредь не назначать своих служений в Соборе без ведома Приходского Совета, который в противном случае лишится возможности исполнять свои обязанности по обеспечению благолепия богослужений, и, далее, с просьбой не назначать служений без благословения Высокопреосвященнейшего Экзарха, ибо в противном случае распоряжения последнего могут разойтись с распоряжениями митрополита Августина, что неминуемо повлечет за собою прискорбнейший беспорядок. На это нам Митрополит Августин нам ответил, что театральных представлений в церкви он не любит и потому наши заботы о благолепии богослужений ему не нужны, что он вообще не желает с нами разговаривать, потому что не признает нас Членами Приходского Совета и находит, что приходской Совет в настоящее время вообще не существует; что единственным хозяином в Соборе явля-

ется он, Митрополит Августин, который ныне вновь правит Православной Церковью в Латвии; что власти над собою кокого-либо Экзарха он не признает, ибо мало ли кого могли навязать ему из Москвы; что он вообще не признает себя подвластным Московской Патриархии, в юрисдикцию которой он вступил единственно под влиянием насилия, под угрозой чекистских пистолетов; что в Москву он ездил, там покаяние принимал и с Московскими архиереями сослужил исключительно для спасения своей жизни от неминуемой в противном случае большевистской расправы; что посем он не признает никакой силы за подписью своей, которую он, уступив вымогательству, вынужден был дать в Москве на письменном акте о своем покаянии в расколе и признании над собою канонической власти Московской Патриархии; что он не имеет решимости утверждать личную принадлежность к чекистам того или иного из Московских архиереев, в том числе и митрополита Сергея, притязającego на экзаршую власть в Латвии, но и его и прочих Московских архиереев считает, по меньшей мере, орудием в руках у большевиков, почему и думает, что Митрополит Сергей прислан Экзархом в Латвию именно большевиками. На этом мы прервали беседу с Митрополитом Августином, заявив ему протест против его точки зрения и указав, что в храме Божиим, вблизи алтаря, предпочитается не вступать с ним в пререкания.

20 октября 1941 г. Рига

Подлинный подписали:

Иван Гримм
А. Гаролин
Н. Австриц

С подлинным верно

Секретарь Экзаршего Управления
Св. Н. Трубецкой.

Отец Янис (Калныньш): У меня есть свои соображения насчет дискуссии о каноничности. Архиепископ Иоанн просто перешагнул через какие-то каноны. Он на самом деле действовал в рамках указаний патриарха Тихона. О какой каноничности Московской Патриархии вообще может идти речь? Если в то время было только четыре епископа.

Александр Гаврилин: О каком времени вы говорите?

Отец Янис (Калныньш): 1927 год. Какую-то каноничность можно увидеть в начале деятельности Патри-

арха. А Собор, который Сталин созвал? Очень канонично, что ли? И что митрополит Августин нарушил? Ничего он не нарушал. Если взять митрополита Августина, то он на сто процентов каноничен по отношению к Московской Патриархии того времени.

Александр Гаврилин: Да вы что? Я в архивах латгальских церквей видел письмо митрополита Елевферия (Богоявленского). Все латвийские приходы знали о том, что писал Елевферий по поводу неканоничности избрания митрополита Августина. А сам митрополит Августин твердил, что он якобы не знал содержания этого письма, как и не знал того, что его избрание не было каноничным. Разумеется, он прекрасно знал это. До избрания митрополитом он был Даугавпилским благочинным и, понятно, был в курсе всех дискуссий по поводу будущего статуса ЛПЦ. Повторяю, ЛПЦ и ее тогдашний глава — митрополит Августин при переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата не получили отпуска от Матери-Церкви, а это означало только одно — схизму.

Документ из архива о. Яниса (Калныньша)

Московская Патриархия
Патриарший Местоблюститель
От 27 февраля 1941 г. № II.

Слушали. Предложение Патриаршего Местоблюстителя по делу о воссоединении православного населения Латвийской ССР с Православной Русской Материю-Церковью. «Командированный нами в Латвию Преосвященный Архиепископ Дмитровский Сергей в докладе о результатах своей поездки с особым удовлетворением сообщает, что православное духовенство Латвии вместе с пастырой радостно встретило возможность возвратиться в недра Церкви-Матери, сознает незаконность разрыва с нею, греховность пребывания в расколе, приносит покаяние и ждет от Патриархии прощения и разрешения. Некоторое исключение составил митрополит Августин. Он едва не до разрыва с Синодом тормозил решение Синода о покаянии и только уже потом, после заседания внешне формально присоединился к постановлению.

Каноническую оценку Латвийского раскола в самочинной хиротонии митрополита Августина мы дали в нашем определении от 5-го июня 1936 г. № 68: «1. Отколовшееся самочинно от Матери-Церкви Русской и порвавшее каноническую связь со своим законным кириархом — Московской Патриархией, Латвийское церковное управление признать виновным в учинении церковного раскола и чрез это отлучившим самого себя от общения со Св. Православною Церковью. 2. Архиепископскую хиротонию протоиерея Августина

Петерсона, как совершенную в области канонически подведомственной Московской Патриархии, без согласия последней, архиереями чужой области, признать незаконной и подобно хиротонии Максима Киника /Всел.П,4/ недействительной, как бы не бывшей, и самого Августина Петерсона — не архиереем и не митрополитом, а попрежнему протоиереем; равно признать недействительными и все хиротонии архиерейские, пресвитерские и пр., какие /и если/ в будущем дерзнул бы совершать Петерсон. 3. Поручить Преосвященному Митрополиту Литовскому и Виленскому объявить настоящее постановление Латвийскому церковному управлению, протоиерею Августину Петерсону и всему клиру и мирянам — чад, жаждущим правды и спасения, не следовать самочинникам, а сохранять себя в послушании законной иерархии и через это — в благодать Божию.

От этого постановления мы и теперь не имеем оснований отказываться. Оно канонически правильно и по существу и формально. Имея под собою 39 архиерейских подписей (хотя сделанных не одновременно), т.е. выражает суждение не только Патриархии, но и русской иерархии вообще. Однако справками на местах установлено, что приговор суда Патриархии остался неизвестным не только в Латвии, но и самому Преосвященному Митрополиту Литовскому, на которого возлагалось объявить приговор заинтересованным сторонам. На судебном языке это значит, что наш приговор не вступил в законную силу и, следовательно, отлученные от Церкви могли добросовестно считать себя не отлученными, лишены сана и запрещенные — продолжать священнодействие. Правда, митрополиту Августину в ответ на первое его письмо о воссоединении я послал копию определения, но не с целью формального оставления, а лишь в качестве материала для соображений о характере покаяния и предмете его.

В настоящее время латвийцы обращаются с искренним покаянием с просьбой о принятии в общение. Должен ли он воспользоваться этим обращением, чтобы объявить ему доселе не объявленный приговор, и несмотря на то, настаивать его исполнять? Покаянная практика Православной церкви, как я уже напоминал в деле Ф. Морозова, учит нас другому, в частности, практика в отношении священнослужителей, убежавших к раскольникам. При обращении убежавшего ставится обычно вопрос, был ли тот свя-

щеннослужитель за свое отпадение лишен сана церковным судом, вступил ли приговор суда в законную силу. Если вступил, то кающийся может быть принят только в звании мирянина. Если не вступил хотя бы лишь потому, что не был подсудимому формально объявлен, дело рассматривается вновь по существу, причем, конечно, принимается во внимание и новое данное — покаяние отпавшего. Обычно в таких случаях церковный суд лишение сана заменяет какой-нибудь временной, более или менее продолжительной эпитимией. Заметим, что такая снисходительная практика действует и в единоличных случаях обращения. Тем более законна и даже обязательна она, когда дело идет об обращении многих, об общецерковной пользе, когда этим «оказывается споспешествование кафолическому соединению» /Карф.68 и 79 по нашей Кн. правил, или 57 и 68 по Греч. Синтагме/, как это имеет место в Латвийском деле.

На основании вышеизложенного —

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Латвийский синод, виновный в учинении раскола и в отторжении всего подведомственного ему духовенства и мирян от общения с Материю-Церковью, упраздняется; члены Синода и миряне подлежали бы отлучения от Св.Причастия, а духовные — лишению сана. Но ввиду принесенного Синодом покаяния и «дабы не было поставлено никакия преграды единению» /Карф.79-68 Синт./ с Церковью для всех возжелавших единения Латвийских клириков и мирян, принять членов Синода — по очищению ими совести исповедую пред духовником, — духовных в сущем сане с разрешением им священнослужения /при отсутствии каких-либо индивидуальных канонических препятствий, а мирян — с допущением ко Св. Причащению. Во избежание же возможных в будущем злоупотреблений именем Синода, предложить членам Синода собраться на свое последнее заседание и, во исполнение указа Патриархии, постановить: а/ о прекращении дальнейших заседаний Синода за его упразднением и о сложении с себя всяких служебных полномочий; б/ о признании единственно законным того Управления, которое будет поставлено во главе Латвийской церкви распоряжением Московской Патриархии, и в/ о передаче означенному Управлению имущества и капиталов, бывших в распоряжении Латвийского Синода.

2. За принятие заведомо незаконной архиерейской хиротонии митрополит Августин, строго говоря, подлежал бы лишению и архиерейского и всякого вообще священного сана. Но, как сказано выше, установившаяся церковная и каноническая практика открывает возможность принять митрополита Августина в сущем сане. Однако представляется нецелесообразным оставлять его во главе Православной Латвийской паствы в прежних основаниях. Во-первых, как предстоятель Латвийской церкви, митрополит Августин не «споспешествовал» ее покаянию, а скорее противился и только потом подчинился общему течению. Во-вторых, в своих служебных распоряжениях по должности митрополита /иначе говоря, «всемирно» см.15 Двукр./ он проявлял столь крайние антисемитические взгляды, что они по существу уже не мирятся с учением христианским. Напр., в Рижском кафедральном соборе не пелось «На реках Вавилонских». Это-де «жидовская песня»! Из Песни Богородицы исключался последний поемый стих «Восприял Израиля отрока Своего», где Евангелие устами Богоматери утверждает мессианское призвание еврейского народа. Допустим, что все подобное говорилось и делалось под минутным настроением недостаточно обдуманно; однако Предстоятелю церкви нельзя хотя бы и на минуту забывать, что отречься от Ветхого Завета с его чаяниями и промыслами и действиями значит весьма доходить к отречению и от исторического христианства и даже от Евангельского Иисуса Христа. Это будет уже и не протестанство, а нечто совсем далекое и от православия и вообще от христианства. Поэтому: принять митрополита Августина в архиерейском сане, оставить за ним и титул Митрополита Рижского, с разрешением священнослужения; но управление православными приходами Латвии, на правах Епархиального Архиерея, поручить вновь назначенному Преосвященному Митрополиту Литовскому и Виленскому, Экзарху Латвии и Эстонии Сергию, предложив ему организовать в г. Риге временный Епархиальный Совет несколько упрощенного типа, с донесением о сем Патриархии.

3. Для фактического осуществления единства Латвийской церкви с Церковью-Материю, Преосвященный Экзарх имеет в г. Риге, оовместно с воссоединением с архиереями, с членами Латвийского Синода и с прочим духовенством совершить Божественную литургию, пред началом которой читает употребляющуюся у нас в таких

случаях молитву, и передаст от Патриархии разрешение и любование о Христе мира и любви всем воссоединяющимся, как присутствующим, так и по благословенной вине отсутствующим. По усмотрению преосвященного экзарха описанный обряд может быть повторен и в других храмах и местах Латвии как самим Преосвященным Экзархом, так и кем-либо из воссоединившихся архиереев или пресвитеров, по его поручению.

4. Преосвященный Митрополит Рижский имеет в своем окормлении часть православных приходов Латвии по соглашению с Преосвященным Митрополитом — Экзархом / причем принимается во внимание и желание самих приходов/ и управляет ими посредством временного Епархиального Совета. При расхождении мнений дело представляется на усмотрение Преосвященного Экзарха.

5. Преосвященный Александр (Витоль), Епископ Ерсикский, по принесении покаяния, принимается в сущем сане с разрешением архиерейского священнослужения и с правами на управление в качестве Викарного епископа под руководством Епархиального архиерея.

6. Суждение о принятии в общение Преосвященного Иакова (Карпа) отложить до получения от него соответствующего заявления, предложив ему до решения его дела воздержаться от священнослужения.

О чем и послать Преосвященным Митрополиту Литовскому Экзарху Латвии к исполнению и для объявления, кому следует, а Митрополиту Ленинградскому, Митрополиту Алеутскому и Экзарху Западных Украины и Белоруссии к сведению, указы.

С подлинным верно: Секретарь Экзарха (подпись)

АКТ

О ПРИСОЕДИНЕНИИ ИЗ БЫВШЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ АВТОКЕФАЛИИ К МАТЕРИ-ЦЕРКВИ РОССИЙСКОЙ МИТРОПОЛИТА АВГУСТИНА (Петерсона)

Прибывший в Патриархию Преосвященный Митрополит Августин (Петерсон) выразил Местоблюстителю свое искреннее убеждение, что так называемая Латвийская автокефалия была учреждена без благословения законного КИРИАРХА, Патриаршего Местоблюстителя БЛАЖЕННЕЙШЕГО СЕРГИЯ, Митрополита Московского и Коломенского;

что он, Митрополит Августин, внутренне поддерживая учреждение раскола членами синода Латвийской епархии,

дал согласие, приняв архиерейство, возглавить самочинную т.н. Латвийскую церковь;

что для осуществления этого предприятия, сознавая нарушение канонического положения, они обратились в юрисдикцию Константинопольского Патриарха при всех возможных условиях сохранения единства со своим Кириархом;

что, несмотря на воякие извинительные обстоятельства политического характера, заставившие их пойти под давлением правительства б. Латвийской республики на разрыв с Материю-Церковью, он оправдывал этот раскол, переживавшийся им со скорбью, желанием спасти Православие в Латвии;

что он, Митрополит Августин, сыновне просит принять его в молитвенно-каноническое общение с Материю-Церковью.

В ответ на такое его обращение и на все ранее поступившие заявления от Митрополита Августина, Патриаршими. Местоблюстителем в зале Патриархии, в присутствии нижеподписавшихся, совершено было краткое покаянное молитвословие с пением тропаря и кондака Святой Пятидесятницы с чтением разрешительных молитв из чина Иоповедания: «Господи, Боже спасения рабов Твоих» и с последующим взаимным Архиерейским приветствием со словами: «Христос посреди нас», затем совместным служением Божественной Литургии в кафедральном г. Москвы Богоявленском Соборе, 29-го Марта 1941 г. осуществилось на деле принятие Преосвященного Митрополита Августина в каноническое общение с Московской Патриархией и со всей законной Православной иерархией Матери-Церкви Российской.

Митрополит Августин:
Следуют подписи:

С подлинным верно:

*Секретарь Экзарха
«28» Марта 1941 г.*

Сергей Мазур — вопрос Борису Равдину:

Когда ситуация в Советском Союзе стала такой, что законная православная организация была уничтожена? Назовите год, время.

Борис Равдин: Вопрос о том, была или нет нивелирована Церковь, это вопрос о том, какую роль занимает Церковь по отношению к государству. Если она образует некое слияние государственно-церковное, это одна ситуация, когда Церковь противопоставляет себя государству — это вторая ситуация, когда она независима, то есть такая, какая она должна быть, — это третья ситуация. Мне кажется, в послереволюционной ситуации для Русской Православной Церкви существовал выбор всех трех комбинаций,

всех трех возможностей: и зависимость, и слияние с государством, и независимое положение. Ни о каких канонических требованиях в этих условиях говорить не приходится. Ситуация называется революционной и каждый поступает в зависимости от тех принципов, которыми он руководствуется, с учетом представлений о том, что такое Церковь, что такое народ, что такое государство, что такое Бог. И, по-моему, несмотря на сложности, в которой оказалась Русская Православная Церковь в 20-30-40-е годы, это было замечательное время, предоставившее такие возможности, какими, к сожалению, Церковь не воспользовалась для того, чтобы сделать из них соответствующие выводы. Сейчас Церковь находится в положении большей зависимости, нежели должна была находиться.

Сергей Мазур: Революция в России создала ситуацию катастрофическую для Православной Церкви. По крайней мере, у меня, как у читателя, такое впечатление создалось. Все отрицательные оценки революции, данные Иоанном (Поммером), остались в этих письмах. Но когда читаешь письма из эмиграции, из Польши, из Финляндии, про Карловацкий Собор, про то, что происходило в Америке, то видишь — там происходило то же самое. Если в Советском Союзе с 1924-го года появляется группа авантюристов, которые вроде бы хотят прислуживать государству, устраивают обновленческий раскол, то же самое происходит и в Америке. Те же сепаратисты внутри Американской Церкви, вроде «митрополита» Иоанна Кедровского. Практически, все то же самое. Или ситуация чем-то отличалась?

Юрий Сидяков: Отличалась. Вообще история обновленчества — история очень сложная и до конца не изученная. Там было все сложнее, чем до сих пор описано и прокомментировано, но это другой вопрос. Разница прежде всего в том, что в Церкви русской, в России — это как бы изнутри происходило (другой уже вопрос, что все это в значительной мере было инспирировано советской властью). Что же касается Кедровского в Америке и того же Николая Соловья, то это произрастало не изнутри, не от самой Американской Православной Церкви шло, а это были люди, посланные из Москвы с определенными задачами — захватить приходы, захватить имущество Церкви, и таким образом через своих ставленников советская власть в России пыталась захватить церковное имущество за рубежами страны. Насколько это получилось? Не очень-то получилось. Это долгая история, об этом надо рассказывать отдельно.

Сергей Мазур: Мне кажется, что вы немного противоречите своим словам. Чем же эта ситуация не похожа на то, что происходило в Советском Союзе?

Александр Гаврилин: Эта ситуация, действительно, была вызвана распадом Российской империи. Дело в том, что большинство приходов Русской Православной Церкви за рубежом, конечно же, кормилось за счет России, за счет Московского Патриархата. В результате, падение влияния Московского Патриархата бумерангом ударило по

всем епархиям и приходам РПЦ за границей России. Когда случилась революция в России, а потом и большевистский переворот, то прекратилось российское финансирование американских православных приходов, поставки из России антиминсов, вообще всего. Приходы РПЦ в США не знали, что делать. Архиепископ Александр (Немоловский) объявил — спасайтесь, кто может, и как хотите, так и спасайтесь. И начинается распад американских приходов РПЦ: греки говорят, что давайте создавать в Америке свою Церковь; сербы говорят — будем создавать свою Церковь и т. п. Когда приехал митрополит Платон (Рождественский), он попытался собрать всех воедино. Если бы он этого не сделал, если бы не он, Американской Православной Церкви вообще бы не было, она бы полностью распалась. Что-то подобное происходило с так наз. «социалистическим лагерем» на рубеже 1980-1990-х годов с распадом СССР.

Сергей Мазур: Борис Анатольевич, действительно ли распад Православной Церкви был подобен распаду Советского Союза?

Борис Равдин: Отчасти согласен с Александром Валентиновичем, поскольку Русская Православная Церковь тоже была централизована, как и советское государство. С распадом и демократизацией они оказались без руководящего начальства.

Сергей Мазур: Глядя на эти очень сложные конфликты все равно возникает впечатление, что православие торжествует везде, потому что обновленческий раскол в Советском Союзе со временем исчез. Все расколы, которые были и в Западной Европе и в Америке, тоже были нивелированы. То есть те политические силы, которые поддерживали раскольническую деятельность, исторически все-таки проиграли.

Александр Гаврилин: Разумеется, усиление «Москвы», т.е. России или СССР, одновременно означало и усиление Православия. А что касается, торжествует или не торжествует Церковь — это риторический вопрос.

Сергей Мазур: Я думаю, что если бы победила обновленческая Церковь, то Православия в России сегодня не было бы.

Александр Гаврилин: Конечно. Понимаете, было две крайности — обновленцы и катакомбы, а в середине — Церковь Московского Патриархата. Линия митрополита Сергия (Страгородского), как бы мы его ни ругали, не критиковали за лояльность советской власти, все-таки оказалась самой правильной. Почему? Да потому, что сегодня нет обновленцев, нет и катакомбной Церкви. А РПЦ осталась, и отчасти это заслуга церковного руководства 1920-30-х годов.

Сергей Мазур: Вы согласны с таким высказыванием, что Православие исторически торжествует с возвышением Москвы?

Борис Равдин: Я вообще противник выражения «торжествующая» Церковь.

Александр Гаврилин: Если говорить о современном состоянии России — то, несомненно, Церковь там торжествует. Мне приходилось быть на больших церковных праздниках — это, конечно, впечатляет. В центре города, даже в центре Москвы в рясах ходят священники... Как-то я жил в Москве в Сретенском монастыре. Там на территории монастыря лицей какой-то или престижная школа. Родители отводят детей в школу через храм, потом заводят детей в классы, а сами возвращаются обратно в храм. Что касается России, то, конечно, там Православная Церковь торжествует.

Сергей Мазур: Давайте вернемся к личности архиепископа Иоанна (Поммера). Ситуация с Церковью в Латвии чем-то напоминало то, что происходило в Советской России и в эмигрантской Церкви на Западе, то есть здесь, на этой земле, как и в других местах, были постоянные конфликты. Архиепископ Иоанн, выдержав то, что заслуживает восхищения, я имею в виду его противостояние большевистской власти в России с ее безумными бесчинствами в Пензенской епархии, возвратился обратно в Латвию. Но возвращение ничего не меняет, почва для конфликтов в Латвии не исчезает. Здесь, в отличие от большевистской России, не убивают, не расстреливают, не взрывают церкви, не переплавляют колокола на пушки, но дискомфорт, вызванный непониманием, взаимными претензиями, склоками делает жизнь невыносимой. Я попытаюсь перечислить, где возникают точки напряжения. Первая точка напряжения связана с отношениями Православной Церкви с латвийским государством. Если в 1921-м году Иоанн (Поммер) приезжает в Ригу, то только в 25-м или, вернее, в 1926-м году Латвийская Православная Церковь получает свой Устав, получает право быть юридической организацией. Между 1921 и 1926 гг. — пять изнурительных лет, заполненных борьбой за право быть такими же в Латвии, как и католики, лютеране и др. Пять лет — это история борьбы за признание православия Латвийским государством. Дальше, еще одна точка напряжения — конфликт архиепископа Иоанна с РСХД, то есть с молодежной студенческой организацией. Здесь мне показалось значимой переписка вокруг такой интересной фигуры, как секретаря молодежного движения А. Никитина. По масштабам — этот конфликт европейский, даже мировой, т.к. в него было втянуто не только расколовшееся православие, но и протестанты, не только религиозные деятели, но и светские политики. Дальше — это непримиримый конфликт с Советской властью. Это и конфликт с латвийской социал-демократией после того, как архиепископ Иоанн стал депутатом Латвийского Сейма. Потом — конфликт архиепископа с Синодом Православной Церкви, конфликт с русским обществом. Возникает впечатление, что в конце жизни архиепископ Иоанн готов был отказаться от сотрудничества с теми людьми, с теми силами, ради которых положил в Латвии свою жизнь. Юрий Львович, прокомментируйте ситуацию. Можно ли

было избежать всех этих конфликтов?

Юрий Сидяков: Тут очень много вещей неизвестных. Если говорить о конфликте с РСХД, то первоначально на него наложилась та реакция, которая была связана с запретом на въезд Никитина (генерального секретаря РСХД) в Латвию (инициатором этого запрета был архиепископ Иоанн). Очень сложный вопрос, которым нужно заниматься и заниматься. Поскольку материалов мало и многого сейчас не восстановить, до конца во всем этом, видимо, разобраться невозможно. Но здесь как раз не стремление архиепископа Иоанна отказаться от русской паствы, а наоборот тревога, что ситуация в Латвии может пойти по эстонскому сценарию (в Эстонии русские и эстонские приходы оказались разделены), письма, материалы свидетельствуют об этом. Но не только это. Значительную роль сыграла и организованная в то время травля архиепископа Иоанна. Эта травля начинается где-то в 32-м году, достигает пика в 33-м. Архиепископа Иоанна безусловно можно назвать личностью сильной, но какой бы сильной личностью человек ни был, понятно, что когда начинают бить, бить, бить, или же как в китайской пытке, когда человека сажают и в одно и то же место на голове капля за каплей падает вода, его нервы начинают сдавать. Архиепископ Иоанн начинает метаться, начинает делать заявления, подобные тем, как в прошлый раз (на семинаре, посвященном первому тому книги) цитировал отец Янис. Но это чаще всего не продуманная и не законченная позиция. И тут нужно понять Владыку Иоанна (Поммера). Почитайте, социал-демократические газеты того времени, сплетни в них, которые разносились по базару, по городу, повсюду... Самообладание может потерять даже святой человек.

Александр Гаврилин: В последние годы своей земной жизни, особенно начиная с 1932-го года, архиепископ Иоанн (Поммер), действительно, совершал массу непонятных, противоречивых поступков. И это письмо, которое в прошлый раз зачитывал о. Янис, относится как раз к этому периоду. И масса подобных вещей. Скажем, поиск так наз. «церковных воров». Помните обвинения в воровстве, предъявленные протоиерею Кириллу Зайцу? Но ведь было следствие, был судебный процесс, который снял с него все обвинения. Никаким образом не удалось доказать, что о. Кирилл как-то был причастен к хищениям из кафедральной казны. Но ведь архиепископ Иоанн открыто обвинял его в этом... Я полностью согласен с Юрием Львовичем, слишком сложным было положение архиепископа. Что же касается отношений архиепископа с РСХД или с Православным Студенческим Единением... Кто начал эту войну? Начал-то сам архиепископ!

Юрий Сидяков: Там сложнее было дело. Значительную роль в конфликте, который разразился, конечно, сыграл Никитин, потому что это был человек, который нес за собою конфликты. В Эстонии был скандал, в Болгарии был скандал, когда он там появлялся. Это был человек, как мне о нем рассказывали люди, если не знавшие его лично, то, по крайней мере, связанные памятью

с той эпохой, — человек авторитарного склада, который очень нетерпимым был к чужому мнению, не гибкий.

Сам же архиепископ Иоанн в одном из писем пишет, что вот пока был Зандер, все было хорошо, а когда приехал Никитин, так все и началось. Я думаю, что это так... Потом конфликт между католической Церковью и государством, произошедший в то же время. И тут же подобные вещи, опасные прецеденты возникают внутри Православной Церкви. Надо помнить, что это годы перед приходом Ульманиса к власти и сразу после прихода его к власти, и сама политическая обстановка была достаточно сложной в Латвии, и не только в Латвии в то время (обо всем этом архиепископ Иоанн пишет в одном из опубликованных в книге писем к митрополиту Евлогию).

Сергей Мазур: Борис Анатольевич, согласны ли вы, что конфликт в Церкви Латвии был неизбежен?

Борис Раевдин: На выборах 1928-го года уже оппоненты из русских кругов писали об архиепископе Иоанне (Поммере), что он родной по вере, но чужой по крови. Это были страшные слова, которые были произнесены в русской среде для того, чтобы отобрать у сторонников архиепископа Иоанна (Поммера), отнять энное количество голосов. И это довольно печальная история. Социал-демократы приняли в этом участие, они в меньшей степени виноваты в дискредитации Иоанна (Поммера). Русские внутри себя создали для архиепископа Иоанна (Поммера) более страшную перспективу, нежели латыши, социал-демократы, консерваторы и даже советская власть.

Сергей Мазур: Я сейчас хотел бы перейти к вопросам, связанным с самой личностью архиепископа Иоанна (Поммера). Я исходил из писем из XIV и XX Альманаха. У меня впечатление, что архиепископ Иоанн был на две головы выше своих адресатов, с кем он переписывался...

Александр Гаврилин: Очень сильная, колоритная фигура. Исключая последний период земной жизни, последние два года, масса промахов, масса проступков, которые необъяснимы.

Юрий Сидяков: На самом деле вопрос сложный. Тут не только на уровне слухов — показания в архиве есть. Но это вопрос веры, как можно человеку верить или не верить, если что-то узнать точно нельзя? Поэтому можно верить слухам или нет. Можно сказать, что это только вопрос доверия (в отношении святости Владыки). В основании религии лежит вера. Символ веры начинается со слова «Верую», а не «Знаю».

Светлана Ковальчук: Читая XX номер Альманаха, особенно те страницы, где упоминается Русское студенческое христианское движение, невольно вспоминается книга активного участника этого движения Б. В. Плюханова «РСХД в Латвии и Эстонии» (Париж, Имка-пресс, 1993). Мне хочется еще раз вернуться и вспомнить уже ранее упомянутый конфликт архиепископа Иоанна (Поммера) с

этим движением. Поэтому, коллеги, хочу поставить перед собой и вами вопрос. Я понимаю этот конфликт как мировоззренческий. Как думаете вы? На мой взгляд, архиепископ Иоанн отстаивал каноническую чистоту Православной церкви. Владыка благожелательно принял движение, начавшее действовать в Латвии с начала 1920-х годов. Тогда были созданы три религиозных кружка. Причем одним из них руководил отец Михаил Бурнашев, вторым — историк Василий Преображенский. Первый съезд прошел в Прибалтике в августе 1928 года. Вскоре, наверно, пришло осознание того, что русское студенческое христианское движение предлагает православную катехизацию, но (!) — на лютеранский манер. Для того времени это было, возможно, нужное движение. Оно собирало под христианскими идеями студенческую молодежь, оказавшуюся за пределами исторической родины — России. За движением стояли лучшие умы и силы русской эмиграции, жившие в Париже, Берлине — Николай Бердяев, Василий Зеньковский, Семен Франк, Антон Карташев, Георгий Флоровский, Сергей Булгаков, Георгий Федотов, Лев Зандер. Многие из них приезжали с лекциями в Латвию, принимала самое активное участие и мать Мария (Скобцова). Но все-таки это было движение экуменического направления. В наши дни идеи экуменизма воспринимаются в самой Православной Церкви с большой долей терпимости, понимания. Но на рубеже 1920-30-х годов конфликт православной ортодоксии и экуменизма только усугублялся, набирал обороты. Тогда это была драма, обернувшаяся в итоге трагедией.

Юрий Сидяков: Я могу ответить на этот вопрос, опираясь на то, что и сам писал в письмах своих архиепископ Иоанн. В определенной степени, да, действительно, его как человека традиционно церковного, традиционно мыслящего раздражало то, что в движении — люди, которые без году неделя в церковь пришли, уже стараются поучать других. Я сейчас ничего плохого не хочу сказать про движение (РСХД), люди, которые были в движении и сама парижская школа очень мне симпатичны. Но раздражение архиепископа Иоанна как раз было связано с тем, что люди, сами еще по-настоящему не воцерковившиеся (каких было достаточно в движении), пытались занять позицию учителей веры.

Александр Гаврилин: Эта проблема 1920-30-х годов. Истоки этой проблемы изначально были в Православной Церкви и до сих пор существуют, а именно: может ли существовать православная общественная организация, неподчиненная церковной иерархии? В принципе, этот конфликт и тогда присутствовал. Вроде бы Владыка Иоанн благословил Студенческое Православное Единение, предоставил этой организации помещения, благословил Первый съезд Единения, съезд прошел в Пустыньке, многие священники входили в эту организацию. Но все было в порядке лишь до определенного времени, до того, как эта общественная организация вырвалась из-под опеки Церкви.

Борис Раевдин: Я однажды беседовал с участником студенческого движения, он рассказывал о том, что в Лон-

доне собирались софинансисты этого движения. Когда я говорил о том, что Русское Студенческое движение получало жалованье, зарплату, меня обвинили в том, что я искажаю историю студенческого движения. Тема сотрудничества с Греческой церковью для некоторых ортодоксов находится вне публичного пространства. И было характерно, что в 30-е годы об этой теме не говорили, ее утаивали. Сотрудничество с Греческой Церковью считалось предательством основных ценностей Русской Православной Церкви. Я думаю, что когда архиепископ Иоанн благословлял Русское Студенческое движение в Латвии, он мог и не знать тонкостей финансового порядка. А когда узнал, то ему показалось это нарушением некоторых положений Православной Церкви.

Сергей Мазур: Я бы хотел перейти сейчас к последнему вопросу нашего семинара. У нас в пятницу завершились 47-е Чтения гуманитарного семинара, на которые был приглашен доцент философского факультета декан Виталий Куренной. Он на семинаре выдвинул такой спорный тезис, что за пределами России единственным институтом, который способен воспроизводить русскую культуру, является Церковь. Как вы считаете, насколько этот тезис московского культуролога можно применить к нашей латвийской действительности?

Светлана Ковальчук: Я присутствовала на этом заседании любопытнейшем и содержательном. Я бы ответила на ваш вопрос и на тезисы следующим образом. Что касается 20 — 30-х годов, вне всякого сомнения, подавляющее большинство русских организаций не были секулярными. Я не беру во внимание партийные начинания, но русские организации, школа русская начинали свой день с молебна. Эта традиция русской школы, дореволюционной, которая сохранялась в Латвии в 20-е и 30-е годы. А то, что касается современного периода, я боюсь, что тезис нашего гостя московского не сработает, потому что, пройдя советский период атеизма, вряд ли Церковь станет основой для подавляющего большинства населения Латвии.

Александр Беляев: Мне кажется, что в Латвии воспроизведение русской культуры является функцией других социальных институтов, нежели церковь. Ученики учат русский язык в школах, где учителя русского языка получают зарплату от государства. Русская литература и искусство, например, театральные и музыкальные гастроли, устраиваются и распространяются посредством коммер-

ческих и государственных структур. Большинство тех молодёжных организаций, о которых я слышал, не получают финансирование от церкви. В дальнем зарубежье, например в Канаде, церковь имеет гораздо более влиятельную роль в воспроизведении русской культуры, нежели здесь. В церквях устраивают воскресные школы, где школьники учат русский язык и возможно русскую историю, имеют возможность познакомиться с другими носителями их культуры, веры, языка и т.д. Хочу заметить, что когда я говорю, что, с моей точки зрения, церковь не играет существенную роль в воспроизводстве русской культуры в Латвии, я ни в коем случае не утверждаю, что церковь не играет роли в сохранении русской культуры.

Анатолий Ракитянский: Я был на этой лекции, где достаточно интересно говорили о самом понятии интеллигенции, в том числе интеллигенции русской — это все у Куренного было замечательно. Но я считаю, что тезис у Церкви как единственном центре, воспроизводящем культуру, это абсолютно ошибочный тезис, потому что если обратиться к 20-м–30-м годам, то я думаю, что русская культура концентрировалась не только около Русской Православной Церкви. Был Русский театр, были русские общества и их участники-носители этой культуры: философы, писатели, художники, актёры.

Борис Равдин: Православная Церковь шире Русского мира. И Русский мир входит в Православную Церковь. А куда мы денем греков, латышей, литовцев, эстонцев и так далее? По-моему, есть другие опоры, на которых может держаться Русский мир, включая и Православную Церковь.

Александр Гаврилин: Согласен, про староверов тоже нельзя забывать.

Юрий Сидяков: Как и положено, в заключительном слове нужно выразить благодарность, я выражаю ее и благодарен за дискуссию, которая развернулась здесь по поводу частных вопросов и общих. Так много интересного прозвучало. Надеюсь, что это так же продолжится и в будущем. Отвечая на вопрос Александра Валентиновича, нужен ли Альманах, посвященный памяти Иоанна (Поммера), или не нужен — здесь можно в какой-то мере опереться и на степень спроса на издание. Это отчасти и есть ответ на вопрос. Первый том разошелся мгновенно, я даже не смог получить желаемое количество авторских экземпляров.